

© 1996 г. Р. МАРОВЕВИЧ

ЭТЮДЫ ПО ГРАММАТИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. I

(К прочтению Свинцовой грамоты)

1. Свинцовая грамота, среди берестяных находок единственный памятник письменности, выполненный на металлическом основании, была найдена археологами при раскопках 1956–1957 гг. и опубликована А.В. Арциховским в качестве приложения к Грамотам 195–318. Стратиграфическая дата найденной грамоты определена двумя соседними ярусами – как "рубеж XI–XII вв. или первая половина XII в." [НГБ 1956–1957: 154].

Текст Свинцовой грамоты разделим на слова, дефисом обозначим случаи переноса из одной строки в другую, а в скобках приведем сокращенное обозначение памятника в списке источников [СДЯ. Т. I: 29]:

Ѡ носѣка къ мѣ-
 статѣ заожеричъ
 отрокъ лони крили
 соужьдалѣць ходоу-
 тиничъ възьми до-
 вѣ гривьнѣ на на-
 мѣ [Гр XI/XII (новг.)].

Текст Свинцовой грамоты истолковывали с грамматической и лексико-семантической стороны по-разному. Эти толкования в настоящей статье будут критически рассмотрены с точки зрения лингвистической достоверности, а в заключение будет предложена наша уточняющая версия прочтения текста.

2. Первый опыт прочтения Свинцовой грамоты принадлежит ее издателям. А.В. Арциховский полагал, что словоформа *заожеричъ* "не имя и не отчество. Упомянутый здесь отрок, надо полагать, происходил из Заозерья, т.е. с южного берега Ильменя". Слово *лони* определено как наречие в значении "в прошлом году". Словоформа *крили* семантизируется как "крыли" без каких-либо комментариев. Словоформа *соужьдалѣць* определяется как этноним "суздалец" со следующим уточнением: "Средняя Россия в Новгородской летописи постоянно называется Суздальской землей, а жители ее суздальцами". Словоформа *Ходоутиничъ* определена как отчество. "Что же крыли в прошлом году заозерич отрок и суздалец Ходутинич? Надо полагать, они крыли свинцом крышу церкви или иного каменного здания. Поэтому и письмо написано на свинце." Текст Свинцовой грамоты А.В. Арциховский переводит следующим образом: "От Носка к Местяте. Заозерич отрок и суздалец Ходутинич в прошлом году крыли. Возьми две гривны для нас" [НГБ 1956–1957: 155].

В.И. Борковский дополняет толкование А.В. Арциховского фонетическими и синтаксическими комментариями. Он указывает, что в Свинцовой грамоте "нет ни одного случая употребления ѣ". Случаи с ѣ на месте ѣ в словоформах (приведем их в нормализованном виде) *заожеричъ*, *соужьдалѣць* *ходоутиничъ* *възьми*, *гривьнѣ* считает

"графическим явлением" [НГБ 1956–1957: 195, 194]. В словоформе *заожеричь* употребление *ж* на месте *з*. В.И. Борковский определяет как псковскую черту: то же явление в словоформе *соуждалъць* – как "сохранение древней формы" [НГБ 1956–1957: 218]. Выделяя вслед за своим соавтором археологом в качестве предложения фрагмент *заожеричь отрокъ лони крили соуждалъць ходоутиничь*, историк языка утверждает, что в этом примере "одно подлежащее стоит в препозиции к сказуемому, другое подлежащее – в постпозиции" [НГБ 1956–1957: 275–276].

Толкование А.В. Арциховского и В.И. Борковского в шестидесятые годы принималось и другими исследователями и уточнялось в культурно-историческом отношении. «Некий новгородец с редким именем Носок, принимавший участие в покрытии какой-то церкви свинцом, требует уплаты ему и его товарищам двух гривен за работу. Этот свой "счет" он написал даже не на бересте, а на образчике строительного материала – листочке свинца» – конкретизирует толкование А.В. Арциховского В.Л. Янин [Янин 1965: 169]. Своеобразную попытку реконструкции культурно-исторической ситуации делает Л.В. Черепнин: "Опять выступает артель, причем артель, члены которой являются жителями разных местностей (Суздальской земли, Заозерья, Новгорода) и работают также в разных городах. Носко – очевидно, старейшина артели (мастер), Местята и Ходутинич – его помощники (подмастерья), отрок – ученик. Как глава артели Носко просит Местяту, находящегося сейчас в другом месте, получить деньги за работу по покрытию крыши какого-то здания (скорее всего – церкви), которую в прошлом году проделали Ходутинич и Заозерич" [Черепнин 1969: 261].

Слабые стороны толкования Арциховского и Борковского налицо. Во-первых, форма мужского рода множественного числа *крили* не согласуется с *д в у м я* однородными подлежащими. Поэтому приходится предполагать, что подлежащее частично выражено (*заожеричь отрокъ ... соуждалъць ходоутиничь*), частично же выявляется из контекста (*въ "мы с тобой"*). Во-вторых, словоформа *крили* содержит фонетизм словоформы другого глагола (*крити* "купить"). На это возражение можно было бы ответить, что в памятнике наблюдается графическое неразличение между *ъ* и *ь*, а также между *ы* и *и*, как в сербском диалекте праславянского языка (вообще многочисленны параллели между древнесербским и древненовгородским диалектом). Притом прецедент в использовании *кри-* вместо *кры-* уже имеется в записи в Милятинном евангелии 1215 г.: *и крилъ овоѣ книги на сѣсение соѣѣ і на съдравне* [СДЯ. Т. IV: 311]. В-третьих, отсутствие прямого дополнения (что крыли?) и разрыв однородных подлежащих сказуемым и обстоятельством времени нельзя объяснить фактами живой славянской речи – можно было бы только предположить, что автор грамоты (писец) забыл указать второго кровельщика и об этом вспомнил только после того, как он уже написал сказуемое.

3. Новое прочтение Свинцовой грамоты принадлежит А.В. Кузе и А.А. Медынцевой. Они исходят из того, что глагол *крити* «часто употребляется в письменных памятниках в смысле "купить"... При таком переводе этого слова содержание текста на свинцовой пластинке приобретает совершенно иное значение: "От Носка к Местяте. Отрока из Заозерья в прошлом году купили [и] суздаец Ходутинич. Возьми две гривны на нем [с него]". Словом, в грамоте говорится о покупке холопа-отрока из Заозерья, совершенной в прошлом году, по-видимому, совместно Носком, Местятой и Ходутиничем. Все они связаны общим делом, для которого и нужен был отрок. По какой-то причине Ходутинич не заплатил своей доли (жизнь холопа оценивается "Русской правдой" в 5 гривен) и теперь Носок напоминает Местяте о необходимости получить долг с их товарища» [Куза, Медынцева 1974: 217].

К слабым сторонам толкования А.В. Кузы и А.А. Медынцевой относятся, во-первых, несогласованность числа сказуемого *крили* с гипотетическим подлежащим *суждалъць ходоутиничь*, во-вторых, неубедительность реконструкции взаимоотношений между упоминаемыми лицами, в-третьих, сомнительность коррекции пред-

ложно-падежной формы личного местоимения. Все же заслугой авторов является то, что они первыми предложили принципиально новую основу толкования (семантизация ключевого слова *крили*).

4. К толкованию А.В. Кузы и А.А. Медынцевой присоединяется А.А. Зализняк. Он считает, что их прочтение *крили* как "купили" "не требует никаких буквенных исправлений и согласуется с наличием в грамоте термина *намъ*, принадлежащего тоже к сфере денежных отношений... Следует, правда, признать, что конкретное содержание финансовой операции здесь остается неясным: писавший явно исходил из того, что основная суть дела адресату известна, и сообщил ему лишь необходимые детали. Возможно, что речь идет о покупке отрока из Заозерья, как полагают А.В. Куза и А.А. Медынцева; при другом понимании отрок из Заозерья и суздаец Ходутинич сами что-то купили (может быть, свинец). Заметим, что множественное, а не двойственное число словоформы *крили* скорее всего говорит о том, что покупателей было более двух (следовательно, кто-то из них прямо не назван)" [НГБ 1977–1983: 175]. Считаю, что смысл начальной части Свинцовой грамоты спорен, А.А. Зализняк указывает, что заключительная фраза несомненно содержит слово *намъ* "проценты, лихва": **възьми довѣ гривнѣ на н а м ъ** «возьми две гривны на лихву (или: на плату за наем)». "Из контекста неясно, в каком из двух названных значений здесь выступает слово *намъ*" [НГБ 1977–1983: 167–168, 285].

К слабым сторонам альтернативного толкования А.А. Зализняка относятся следующие. Во-первых, несогласованность формы множественного числа *крили* с д в у м я однородными подлежащими (поэтому А.А. Зализняк исходит из частичной невыраженности подлежащего: из трех или более однородных подлежащих в тексте представлены только два). Во-вторых, не указано, что купили частично названные лица (нет прямого дополнения); в ряд подлежащих вставлены сказуемое и обстоятельство времени, что противоречит, как мы уже сказали, непринужденности живой славянской речи. К несомненным достоинствам трактовки А.А. Зализняка относится лексико-семантическая интерпретация предложно-падежного сочетания *на намъ*.

В недавно вышедшей обширной монографии, посвященной древненовгородскому диалекту древнерусского языка, А.А. Зализняк вносит самую большую дозу лингвистического сомнения, т.е. возможности двойного прочтения: «Единой надежной интерпретации грамота, к сожалению, до сих пор не имеет. Основные пункты, где возможны альтернативные решения: 1) *отрокъ* – В. ед. или И. ед. (та же проблема и для *соужьдалъць Ходоутиничъ*); 2) *отрокъ* – 'должностное лицо' (см. А 12) или 'юноша', 'слуга'; 3) *крили* – 'купили' или 'оплатили' (помимо перевода 'крыли', предложенного издателями, к которому считает нужным вернуться А.Б. Страхов [1994]); 4) *заожеричъ отрокъ* и *соужьдалъць Ходоутиничъ* – два лица или одно. Отсюда множественность возможных интерпретаций основной фразы данной грамоты. В принципе возможны, среди прочих, например, переводы: 'Заозерского отрока (чиновника), суздальца Ходутинича, в прошлом году оплатили (т.е. расплатились с ним)'; 'Слугу из Заозерья в прошлом году купили, [купил] суздаец Ходутинич'; 'Заозерский отрок [и] суздаец Ходутинич [и их люди] в прошлом году купили (не указано, что)» [Зализняк 1995: 238]. И далее: "Морфологические данные из-за неясности интерпретации неопределенны. Заметим, что *заожеричъ* может либо быть согласовано с *отрокъ*, либо стоять в Р. мн. (с точки зрения перевода это различие малосущественно)" [Зализняк 1995: 239].

Интересно, что А.А. Зализняк в список грамматических омонимов не включает форму *възьми*, имевшую потенциальное значение 2-го или 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения, хотя в Берестяной грамоте № 241 (по хронологической классификации Зализняка – А 12), анализ которой непосредственно предшествует анализу Свинцовой грамоты и на которую автор ссылается в связи со значением 'младшее должностное лицо, род судебного исполнителя' лексемы *отрокъ*, – морфологически идентифицируется "императив 3-го лица *бжди*" [Зализняк 1995: 238].

5. В.Г. Барановская, автор словарной статьи *крыти* в [СДЯ. Т. IV: 216], возвращается к толкованию А.В. Арциховского и предпочитает глаголу *крыти* "купить" глагол *крыти*, но в другом значении – "скрывать, прятать, укрывать". Притом она цитирует следующий фрагмент граммоты как подтверждение засвидетельствованного значения: **Заожеричь (!) отрокъ лони крили соужьдалъць**. Однако автор в словарной статье не смог охарактеризовать сочетаемостные свойства глагольной словоформы *крили*, поэтому остается неясным, кто кого скрывал (отрок суздальца или наоборот) или что скрывали (отрок и суздалец).

К толкованию А.В. Арциховского возвращается и А.Б. Страхов в специальной работе [Страхов 1994: 205–233]. При этом он существенно дополняет толкования А.В. Арциховского и В.И. Борковского: "Как ни толковать фразу: **заожеричь отрокъ лони крили соужьдалъць ходоутиничъ**, но налицо неправильный порядок слов. Ввиду этого ошибка в употреблении формы мн. ч. *крили* вместо ожидаемой формы двойств. ч. *крила возможна. Но возможно и то, что тут упомянуты не два, а три (!) человека: 1) отрок из Заозерья; 2) суздалец и 3) х о д о у т и н и ч ь " [Страхов 1994: 216]. В предложении: **възъми довѣ гривнѣ на намъ,** " с правильным вин. п. дв. ч.", А.Б. Страхов видит «не н а м ъ 'процент', а н а (и) м ъ 'наем, плата'» [Страхов 1994: 218].

Написание *крили* вместо *крыли* А.Б. Страхов объясняет не диалектными фонетическими особенностями, а влиянием церковнославянской книжной традиции. Принципиальное значение имеет заключительный вывод автора: "Думается, что обсуждение проблемы древних южнославянско-новгородских и, в частности, сербо-новгородских культурных контактов, начатое в начале XX в. искусствоведами и порою ими же возобновляемое, необходимо продолжить и углубить филологам, не дожидаясь наступления лучших – для сербов и новгородцев – времен" [Страхов 1994: 226].

6. Опираясь на трактовки А.В. Кузы, А.А. Медынцевой и А.А. Зализняка, В.Б. Крысько предложил новое, оригинальное прочтение: «Наиболее правдоподобно, на наш взгляд, квалифицировать данную конструкцию как родительный принадлежности (РП мн. ч.), обозначающий прежних владельцев холопа – семью суздальцев Ходутиничей ... В целом все предложение (несомненно, неопределенно-личное) может быть переведено так: "В прошлом году купили заозерца – холопа суздальцев Ходутиничей"» [Крысько 1993: 71–72; 1994: 81–82].

Новизна трактовки В.Б. Крысько касается толкования словоформы *крили* как сказуемого неопределенно-личного предложения (и эту часть толкования можно принять с оговоркой – см. ниже) и словосочетания *соужьдалъць ходоутиничъ* как дополнения (и приложения к нему) в форме беспредложного родительного падежа множественного числа. Эта часть толкования несостоятельна прежде всего потому, что она выходит за пределы возможного древнерусского синтаксиса: приименный или адноминальный генетив и есть приименный постольку, поскольку он занимал позицию при имени (причем постпозиция родительного принадлежности была стилистически нейтральной, препозиция – стилистически окрашенной). Дистантное расположение беспредложного родительного (поссесивного генетива) в древнерусском языке, да и не только в древнерусском – было грамматически невозможным. Поправку Крысько нельзя принять и по соображениям культурно-историческим: в древнерусском языке конца XI – первой половины XII в. еще не было фамилий даже в зачаточной стадии развития: форма *Ходутиничъ* имела только патронимическое значение – *Ходутинъ сынъ* "сын Ходути". А без фамильного значения суффикса *-ичъ* не приходится говорить о феодальном роде суздальцев Ходутиничей.

7. Можно было бы уточнить с грамматической точки зрения трактовку В.Г. Барановской: словоформа *крили* (вместо *крыли*) является сказуемым неопределенно-личного предложения; словоформами же *заожеричь отрокъ... соужьдалъць ходоутиничъ* представлен двойной косвенный (винительный) падеж: заозерского отрока

скрывали (прятали, укрывали) как суздальца Ходутиничча (под именем суздальца Ходутиничча). Грамматически безупречная трактовка (окончание *-ѣ/-ь* в винительном падеже ед. числа *ѡ/ѡ*-склонения по отношению к диалектному окончанию *-е* именительного падежа) имеет однако слабые стороны, и не только фонетическую (критически вместо *кры-*), но и смысловую: зачем же Местяте брать две гривны в качестве лихвы (платы на наем)?

8. Критически рассмотрев все известные нам попытки истолкования загадочной грамоты на уникальном материале, мы полагаем, что ни одна из них не может быть принята полностью, как целостное объяснение текста. Тем не менее, все названные выше авторы внесли свой вклад в изучение грамматики и семантики Свинцовой грамоты. Опирающееся на трактовки предшественников наше прочтение рассматриваемого текста состоит в следующем.

Текст Свинцовой грамоты разбивается на три синтаксически самостоятельные единицы.

Первая : **Ѡ Носѣка къ Мѣстятѣ.** Адресант: *Nosъko* (древненовгородская диалектная форма именительного падежа могла гласить: *Nosъke*). По происхождению, несомненно, пскович (псковитянин), поскольку в грамоте отражена псковская диалектная черта (*ж* на месте *з*). Предложенный еще Арциховским вариант *Носок* < *Nosъkъ не принимается, поскольку в праславянском существовали гипокористические формы личных имен на *-ъko*, суффикс же *-ъkъ* встречается только в апеллятивах. *Носъko* (необязательно исходить из диалектной формы *Носъke*), по-видимому, грамоту писал в своем родном городе и направлял ее в Новгород к Местяте. Адресат реконструируется с гласным *ä* < *а*: *Městāta*.

Второе предложение: **Заожеричъ отрокъ лони крили.** *Отрокъ* – прямое дополнение (винительный падеж *ѡ*-основы с окончанием *-ъ*, характеризующим эти основы до возникновения категории одушевленности). *Заожеричъ* < *zaozeričъ* – объектное приложение в том же падеже (флексия *-ь* вин. п. основ на *јѡ* до возникновения категории одушевленности). Этноним образован с помощью суффикса *-ičъ* (этнонимического суффикса!) от основы предложно-падежного сочетания в творительном падеже *za ozer(omъ)*; от основы того же сочетания при помощи суффикса *-ъje* был образован топоним *Zaozerъje*. *Крили* – форма мн. числа муж. рода перфекта без вспомогательного глагола (отсутствие вспомогательного глагола несет определенную стилистическую нагрузку). Форму *крили* можно толковать или как сказуемое неопределенно-личного предложения (если исходить из того, что опущена форма 3-го л. мн. числа вспомогательного глагола), или как сказуемое личного предложения с опущенным подлежащим в форме личного местоимения первого или второго лица мн. числа (если отсутствующую форму вспомогательного глагола реконструировать как форму 1-го или 2-го л. мн. числа). (Естественно, в грамоте представлен не глагол *крыти* "покрывать, скрывать", а глагол *крити* "купить".) Поэтому форму *крили* можно семантизировать по-разному – "купили (его)", "(он) был куплен" (неопределенно-личное значение), "мы (его) купили", "вы (его) купили" (определенно-личные значения). *Лони* – обстоятельство времени (ср. серб. *лани* "в прошлом году").

Третье предложение: **Соужьдалъць Ходоутиничъ възъми довѣ гривънѣ на намѣ.** *Соужьдалъць* < *Sqzъdal'ъсь* – этноним, образованный с помощью суффикса *-ъсь*, в роли подлежащего. *Ходоутиничъ* – отчество, образованное с помощью (патронимического) суффикса *-ičъ* от основы посессива *Chodutinъ* (посессив же образован суффиксом *-inъ* от основы личного имени *Choduta*). В предложении выполняет роль приложения. *Возъми* < *vъzъmi* – форма повелительного наклонения не второго, а третьего лица ед. числа. *Довѣ гривънѣ* < *dъvѣ grivъnѣ* – вин. пад. двойств. числа соответствующего числительного и субстантивной *ā*-основы. *На намѣ* – форма вин. пад. *ѡ*-основы *намъ* с предлогом *на* в роли обстоятельства цели.

Примечание. Исходить из формы третьего лица единственного числа повелительного наклонения *възьми* возможно, поскольку такое употребление императива 3-го л. засвидетельствовано в других древних восточнославянских текстах того же времени (вторая половина XI – первая половина XII столетия): *мънога же лѣтъ дароуи бѣ сътажавъшоумоу еуѣлие се* [ЕвОстр 1056–1057, 294в (запись)]¹; *даи емоу ѣ бѣ бѣни сѣихъ. евайглицѣ [там же]; да иже горазнѣе сего напише. то не мози зазрѣти мнѣ грѣшьникоу [там же]; а бѣ боуди за тѣмъ и сѣя бѣа* [Гр ок. 1130] (первые два примера см. [СДЯ. Т. II: 429, 442]; см. также многочисленные примеры формы 3-го л. ед. ч. императива *боуди* в [СДЯ. Т. I: 347]).

После всего изложенного, можем предложить следующий перевод текста Свинцовой грамоты: "От Носка к Местяте. Заозерского отрока в прошлом году купили. Пусть суздаец Ходутинич возьмет две гривны в качестве лихвы (процентов)".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
 Крысько В.Б. 1993 – Категория одушевленности в древненовгородском диалекте // Славяноведение. 1993. № 3.
 Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
 Куза А.В., Мединцева А.А. 1974 – Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М., 1974.
 НГБ 1956–1957 – Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.
 НГБ 1977–1983 – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
 СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Аванесов Р.И. Т. I. М., 1988; Т. IV. М., 1991.
 Страхов А.Б. 1994 – Филологические наблюдения над берестяными грамотами. V // *Palaeoslavica*. V. II. Cambridge-Massachusetts, 1994.
 Черепнин Л.В. 1969 – Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
 Янин В.Л. 1965 – Я послал тебе бересту... М., 1965.

¹ Сокращения памятников см. в [СДЯ. Т. I].